

Бертран
РАССЕЛ

Почему
я не христианин

PHILOSOPHY

Бертран Рассел

Почему я не христианин (сборник)

Серия «Философия – Neoclassic»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42189282

*Почему я не христианин : [сборник] / Бертран Рассел ; [пер. с англ. А. В. Семенова].: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109460-7*

Аннотация

Бертран Рассел (1872–1970) – лауреат Нобелевской премии по литературе, математик, общественный деятель и один из величайших философов XX века, автор знаменитых работ «Проблемы философии», «Человеческое познание: его сфера и границы», «Азбука относительности», «Брак и мораль» и «История западной философии».

В предлагаемом сборнике собраны самые смелые его сочинения о вере, нравственности и сексуальном воспитании, которые принесли ему славу одного из величайших еретиков в сфере морали и религии. В этих лекциях и эссе он проявил те же проницательность, остроумие и красноречие, которые характерны для блестящей прозы других его работ. Благодаря этим качествам эссе, включенные в данную книгу, представляют

собой, возможно, самое трогательное и самое изящное изложение позиции свободомыслящего человека со времен Юма и Вольтера.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к изданию «Рутледж классикс»	6
Предисловие редактора иностранного издания	20
Предисловие автора	29
1. Почему я не христианин	33
Что значит быть христианином?	35
Существование Бога	38
Доказательство от первопричины	39
Доказательство от естественного закона	41
Доказательство от разумного замысла	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Бертран Рассел

Почему я не христианин

Серия «Философия – Neoclassic»

Bertrand Russell

WHY I AM NOT A CHRISTIAN

Перевод с английского *А.В. Семенова* Оформление обложки *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Routledge, a member of the Taylor & Francis Group, copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.

© Bertrand Russel, 1927

© The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd., 1996

© Preface to the Routledge Classics edition, Simon Blackburn, 2004

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Предисловие к изданию «Рутледж классикс»

В начале марта 1927 года лондонская «Таймс» извещала о тихих, спокойных днях. В центральных графствах охота не слишком задалась, но в Лондоне после анонимного телефонного звонка появилась надежда найти принадлежащее миссис Брюс Исмей украденное ожерелье стоимостью 20 тысяч фунтов стерлингов. За семьдесят три фунта и три шиллинга «Церковный клуб путешественников» доставит вас в Палестину, Египет, Афины и Константинополь. Было много объявлений для горничных и совсем немного говорилось об этих религиозных турах, поскольку названная будто бы скромная сумма составляла едва ли не годовой заработок обычной горничной. Многие письма в редакцию касались предлагаемой реформы молитвенника, а епископ Нориджа провел специальную конференцию, посвященную этой реформе («председательствовавший бригадный генерал Г. Р. Адэр заявил, что нужен не новый молитвенник, а справочник по дисциплине»). Религиозные мероприятия освещались очень широко¹.

¹ Кое-что никогда не меняется. Министр иностранных дел сэр Остин Чемберлен заявил в парламенте, будто располагает двумя неопровержимыми доказательствами того, что знаменитое «письмо Зиновьева», которое привело его партию к власти, – не подделка. К несчастью, он не вправе обнародовать эти доказа-

Единственное мероприятие, которое не анонсировала «Таймс», – это воскресная лекция Южно-Лондонского отделения Национального светского общества: она должна была состояться 6 марта в здании муниципалитета Баттерси; впрочем, газета не сообщила о лекции и впоследствии. Лекция называлась «Почему я не христианин» и легла в основу самой знаменитой и самой смелой работы Бертрانا Рассела о религии.

Было модно порицать эту лекцию Рассела и его последующие работы о религии как поверхностные и бездуховные, неадекватные глубине обсуждаемой темы. Высокомерно-снисходительное отношение к позиции Рассела можно, пожалуй, описать так: будь религия не более чем суеверием, взгляды Рассела считались бы уместными, но она отнюдь не суеверие, а значит, слушать Рассела ни к чему. Первая подобная атака произошла в августе того же года, причем ее предпринял заново обратившийся к религии Т. С. Элиот²

тельства. Подобное было вполне естественно, поскольку эти доказательства были предоставлены тем самым министерством иностранных дел и теми самими спецслужбами, которые изначально обеспечили утечку информации – возможно, после того, как подделали письмо. – *Примеч. английского издателя.* (Осенью 1924 г. в британской прессе было опубликовано секретное письмо, якобы за подписью председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева. Автор письма призывал английских коммунистов активизировать подрывную деятельность в британских вооруженных силах. Год спустя было установлено, что письмо является фальшивкой, но во многом благодаря ему консерваторы победили лейбористов на выборах и сформировали свое правительство. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*)

² Здесь автор не совсем корректен: Т. С. Элиот был верующим человеком с малых лет, но в 1927 г. перешел из унитариянства (отвергающего концепцию

в своем журнале «Мансли критерийон»³. Поскольку Элиот предвосхитил большую часть последующей критики Рассела, предлагаю прислушаться к его аргументации.

В частности, Элиот цепляется за слова Рассела «думаю, что реальная причина, по которой люди принимают религию, не имеет ничего общего с доводами рассудка. Они принимают религию из эмоциональных побуждений». «Он не высказался открыто, – говорит Элиот, – хотя я уверен, что сам это признает, но его собственная религия также полностью исходит из эмоциональных побуждений». Элиот с презрением цитирует эмоциональные фразы, которыми Рассел завершает свою лекцию, приводя следующее высказывание: «Мы хотим твердо стоять на ногах и прямо и открыто смотреть на мир... Завоевывать мир с помощью интеллекта, а не рабски покоряться тому ужасу, который от него исходит...» Он язвительно замечает, что слова Рассела «тронут сердца тех, кто употребляет такие же высокопарные обороты, что и он сам».

Короткие возражения Элиота можно разделить на три группы. Он соглашается с Расселом в том, что страх, который Рассел считает движущей силой религии, в целом порочен как таковой. Однако, по его мнению, опытный теолог

Троицы) в англиканство; после принятия британского гражданства в том же году он охарактеризовал себя как «классициста в литературе, роялиста в политике и англо-католика в религии».

³ The Monthly Criterion, VI, August 1927, p. 177. – *Примеч. английского издателя.*

способен отличить добродетельный страх от порочного, и он настаивает на том, что должный страх перед Богом принципиально отличается от страха перед грабителями, опасения банкротства или боязни змей. Эту мысль он не развивает, но можно предположить, что, по Элиоту, страх перед Господом есть своего рода лекарство от экзистенциального страха, страха перед неприкаянностью, перед утратой опоры в аморальном и бессмысленном мире.

Далее Элиот указывает, что все доводы Рассела уже давно известны. В определенном смысле это так, если мы читали Юма, Канта или Фейербаха, хотя немногие смогли бы обоснованно заявить, будто помнят, в отличие от Элиота, что проблема регресса причин, о которой, по словам Рассела, он узнал у Милля, «стала мне известна в шестилетнем возрасте от няни, благочестивой ирландки-католички». Но если Элиот прав в том, что в философском отношении эссе Рассела не является оригинальным, он все же ошибается, предполагая, будто знакомые доводы почему-то становятся слабее, словно тем самым они утрачивают право управлять нашими убеждениями.

Наконец, что гораздо важнее, Элиот заявляет, что в подобных вопросах Рассел должен согласиться: значимо не то, что ты говоришь, а то, как ты себя ведешь, и потому «атеизм зачастую является лишь разновидностью христианства». Есть много разновидностей христианства, говорит Элиот, например, «атеизм Высокой церкви Мэтью Арнолда» или

«часовенный атеизм м-ра Д. Г. Лоуренса»⁴. В заключение Элиот пишет: «Радикализм господина Рассела в политике есть всего-навсего разновидность умеренного либерализма, а его отрицание христианства есть всего-навсего разновидность доктрины Низкой церкви»⁵. Вот почему его памфлет можно назвать любопытной, но жалкой попыткой опорочить веру». Poleмические высказывания Элиота могут показаться совершенно несущественными для тех многочисленных гуманитариев, агностиков, либералов и атеистов, которые более семидесяти пяти лет вдохновлялись этой работой Рассела. Тем не менее, данные рассуждения заслуживают внимания, и не только потому, что они предвосхитили те испытания, которые выпали на долю этой работы Рассела, но и потому, что по целому ряду признаков они ближе современному миру, чем сам Рассел. Это не означает, что Элиот побеж-

⁴ Религиозные взгляды поэта М. Арнолда во многом формировались под влиянием идей кардинала Дж. Г. Ньюмена, одного из лидеров т. н. Оксфордского движения в англиканстве, из идеологии которого позднее развился англо-католицизм. Что касается Лоуренса, здесь Элиот использовал игру слов: во-первых, в английском языке слово «церковь» (как институт) употребляется только применительно к официальной англиканской церкви, а все прочие религиозные движения характеризуются как «часовни» (chapel); во-вторых, в скандальном «атеистическом» романе Лоуренса «Сыновья и любовники» упоминается унитаристская часовня в Ноттингеме (ныне превращенная в паб), где встречаются герои романа.

⁵ В англиканстве (и протестантстве в целом) Высокая церковь ратует за сохранение традиционной литургии (песнопения, облачение священников и т. д.), тогда как Низкая церковь стремится сократить роль духовенства и традиционного богослужения.

дает в каком-то интеллектуальном споре – вовсе нет. Его соображения прекрасно показывают ту культурную атмосферу, которая заставит «просвещенческий» рационализм Рассела вступить в жаркую схватку за право существования – и в умах некоторых людей бесславно ее проиграть.

Итак, рассмотрим популярное ключевое положение Элиота: если эмоции приводят людей к религиозным убеждениям, те же самые эмоции лежат в основе отказа от последних. На первый взгляд эта идея кажется весьма убедительной, словно Рассел подорвался на собственной мине. Однако при более тщательном рассмотрении эта идея выглядит уже не столь привлекательно. Мы все доверяем бесчисленным высказываниям типа «не существует никаких...»; мы верим, что не существует никаких зубных фей, что в реальности нет ни Санта-Клауса, ни Шерлока Холмса. Действительно, верить в подобное попросту нелепо, такая вера настолько противоречит основам наших представлений о мире, что ее нетрудно признать заблуждением. Поэтому в отсутствие подробностей, возможно, единственный способ «заглянуть внутрь» сознания заблуждающихся – это предположить, будто ими овладели некие могучие эмоциональные силы, бессознательные детерминанты веры, которые отражают лишь состояние ума заблуждающихся, но отнюдь не состояние мира вокруг. Отсюда вовсе не следует (и не является истиной), что обычное состояние человеческого ума, не верящего в то, о чем говорилось выше, требует аналогично-

го эмоционального объяснения. Напротив, оно полностью и вполне удовлетворительно объясняется нашей восприимчивостью к тому мироустройству, где нет упомянутых сущностей.

Хотя в известном смысле это верно, но данное рассуждение не приближает нас к сути вопроса. Ведь, достигнув согласия в отношении того, что является очевидной истиной, мы также приходим к согласию относительно тех, кого признаем жертвами чуждых сил – то есть тех, кто верит иначе. Когда христианство было распространено повсеместно, именно атеисты считались жертвами чуждых сил. Фраза «Сказал безумец в сердце своем: нет Бога»⁶ часто употребляется для того, чтобы показать, будто атеизм есть не столько результат интеллектуальных размышлений, сколько состояние разложения, вызванное желанием безнравственного атеиста расстаться со своей совестью⁷. Если же согласия нет, если налицо дискуссия между христианами и атеистами, то каждая из сторон будет отстаивать указанное правило в качестве объяснения слепоты оппонента. Потому постановка эмоциональных диагнозов никак не может способствовать завершению дискуссии, если только одна из сторон не располагает объяснением, которое с нейтральной точки зрения будет восприниматься как более точный диагноз.

⁶ Пс. 13:1.

⁷ Alan Charles Kors, *Atheism in France, 1650–1729*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. – *Примеч. английского издателя.*

Однако Элиот намекает на нечто гораздо более радикальное. Похоже, он считает, что быть христианином – это вообще не вопрос веры во что бы то ни было (иначе религия оказывается чистым суеверием). Он подразумевает, что речь идет исключительно об определенной эмоциональной позиции по отношению к миру – и, возможно, к некоторым текстам. Он упоминает о своем преподавателе из Гарварда, который, «будучи убежденным атеистом, в то же время являлся, в сущности, самым ортодоксальным христианином». Это звучит просто парадоксально – почему бы не подставить вместо слова «атеист» слово «буддист», «индуист», «шиит» или «суннит»? Должно быть, Элиот имел в виду некие общие эмоции, простейший признак человечности, присущий практически всем, какого бы вероисповедания они ни придерживались. Это все равно что сказать: все религии (и атеизм) проповедуют любовь, поэтому давайте их отождествим. Такой упрощенный экуменизм тоже является отличительной чертой современного мира. Вероятно, он годится для разрешения религиозных конфликтов, но, помимо всего прочего, не позволяет понять историю христианства, когда люди охотно жгли друг друга на кострах из-за споров, возможно ли пресуществление, сходство божественной и человеческой природы, искупление грехов деяниями или предопределение.

Расселу было достаточно просто установить, во что верят христиане. Как минимум они верят в Бога и бессмертие, а

также верят, что Христос был лучшим и мудрейшим из людей. Это можно рассматривать как контрольный список с галочками напротив верных ответов. Там, где Рассел предпринимает усилия для характеристики христианина, Элиот сознательно этим пренебрегает. Позиция Элиота заключается в том, что имеют значение не слова, а поведение. С его точки зрения, любой может утверждать, что он верит в то-то и то-то или не верит. Но тут же возникает вопрос, а следуют ли эти люди собственным словам? Рассел, который в ту пору, несомненно, симпатизировал взгляду, что психическая жизнь человека полностью проявляется в его поведении, был не совсем в том положении, чтобы оспаривать эту позицию. Но здесь проявляется масштабная проблема интерпретации или герменевтики, поскольку обнаруживаются ли в вихре лингвистического и нелингвистического поведения человека некие фиксированные моменты, которые подскажут нам, возможно ли интерпретировать их как веру во что бы то ни было? Или, вопреки активному сопротивлению жертвы его нападок, Элиот выставляет Рассела сторонником Низкой церкви, дабы показать, что тот ошибается? Вновь звучит, если угодно, современная нота: четко определенное значение исчезает под шквалом конфликтующих интерпретаций.

Но в эмоциональную игру, как и в любую другую, играют двое. Если Рассел в свою очередь захочет выставить Элиота лицемерным атеистом, который почему-то находит удо-

вольствие в цитировании «священных» слов или посещения «священных» зданий, как доказать, что он ошибается? Если правит бал неопределенность, мы можем обратить парадокс Элиота против него самого: подобно всем ортодоксальным христианам, он, в сущности, настоящий атеист.

Рассел различал в религии три элемента: церковь, символ веры – или свод доктрин, – и религиозное чувство. Хорошо известно, что он неустанно атаковал церковь как организацию и утверждал, будто религиозные доктрины неправдоподобны для любого рационально мыслящего человека, однако сам при этом не только признавал религиозные чувства, но и в некоторые периоды жизни опирался на них как на основу своего понимания мира и собственного места в нем. Уже в весьма преклонном возрасте он сетовал на разрыв между тем, что подсказывал ему интеллект, и тем, во что эмоционально хотелось верить:

«Я всегда страстно желал найти какое-то оправдание тем эмоциям, порожденным теми или иными явлениями, которые как будто находятся за пределами человеческой жизни и заслуживают чувства благоговения. Так что мои инстинкты соглашаются с гуманистами, но мои эмоции яростно протестуют. В этом смысле «утешение философией» вовсе не для меня»⁸.

⁸ «Мое интеллектуальное развитие» // «Философия Бертрانا Рассела» (The Philosophy of Bertrand Russell), edited by Paul Schilpp, London: Cambridge University Press, 1944, p. 19. – *Примеч. английского издателя.*

Рассел называл две причины, по которым он занялся философией: «Желание найти некое знание, которое может быть признано безусловно верным... и желание обрести некое удовлетворение для религиозных позывов»⁹. Дочь Рассела Кэтрин Тэйт писала, что отец «по темпераменту был глубоко религиозным человеком»¹⁰. В ранние годы жизни он писал своей первой жене Элис о восхищении Спинозой, который проповедовал «изобильный аскетизм, основанный на весьма неопределенном мистицизме»¹¹.

Признавая религиозные чувства и их чрезвычайную важность, но отрицая доктрину и осуждая организованную церковь, Рассел подставлял себя под удар с другой стороны. Почему религиозный язык не может являться наилучшим способом выражения религиозных чувств? Ведь именно для этого он и создан. Поэтому поэт и литературный критик, как Элиот, обязан, по сути, возражать против того разделения чувств и способов их выражения, которое предполагалось взглядами Рассела (пускай это означает, что Элиот непоследовательно отстаивает обозначенный выше «упро-

⁹ «Как я пристрастился к философии» // «Портреты по памяти и другие эссе» (Portraits from Memory and other Essays.) London: Allen & Unwin, 1956. – *Примеч. английского издателя*

¹⁰ Katharine Tait, My father Bertrand Russel, London: Harcourt Brace, 1975, p. 184. – *Примеч. английского издателя.*

¹¹ Цит. по: Kenneth Blackwell, The Spinozistic Ethics of Bertrand Russell, London: George, Allen & Unwin, 1985, p. 23. – *Примеч. английского издателя.*

щенный экуменизм», поскольку атеисты, несомненно, выражают себя иначе, нежели христиане и все остальные).

Если чувство и способ его выражения едины, то религиозные чувства суть просто ощущения жизни, судьбы, памяти и потерь, выраженные в возвышенных религиозных сочинениях. А если поведение придает значение словам, долгая жизнь таких сочинений есть просто жизнь тех церквей, которые их распространяют, хранят и освежают их значение, облекая должной преемственностью с прошлым, должной торжественностью и ритуальностью. Если рассматривать религию как совокупную практику, аналитические построения Рассела не выдерживают критики. Они не отражают неотъемлемого единства чувства, слов и ритуала, составляющего религиозное отношение к миру. С этой точки зрения слова «я знаю, Искупитель мой жив»¹² не столько обладают истинным или ложным значением, сколько наделены именно тем значением, которое вкладывается в них при пении гимна – или при пении гимна в церкви на Рождество. Ни Рассел, ни его предшественники-атеисты не предвидели подобного поворота¹³. Впрочем, имейся даже точное представление о том, что делают «верующие» в Бога, Рассел все же смог бы выдвинуть оригинальные (и серьезные) нравственные доводы

¹² Иов 19:25.

¹³ См. прежде всего работу Людвиг Витгенштейна *Lectures and Conversations on Aesthetics, Psychology and religious Belief*, edited by Cyril Barrett, Oxford: Blackwell, 1966. – *Примеч. английского издателя.*

против них. Ритуалы и слова не являются самодостаточными проявлениями чувств, они также предвосхищают запреты и преследования.

Можно рассматривать спор Элиота с Расселом как отражение давнего противопоставления современности и эпохи Просвещения. Рассел полагается на разум, веру, истину, науку и анализ, считая чувства и эмоции не более чем побочными, пусть и неожиданно важными, спутниками. Он воспринимает религиозные верования как простую веру, о которой следует судить с точки зрения вероятности, науки, логики и истории; если исходить из этого, они оказываются неполноценными. Элиот же ставит их в один ряд с поэзией, чувствами, эмоциями, экспрессией и традицией, тогда как рационализм и наука, анализ и вероятность изгоняются куда-то за пределы внимания¹⁴.

Битва за интерпретацию продолжается и в наше время, когда религиозные идеологии вновь сражаются за умы, даже на образованном Западе. Одно из замечательных достоинств лекции Рассела – однозначность выбора, благодаря которой он занимает четкую позицию на поле боя. Любой, кто занимает другую позицию, вынужден с ним сражаться, то есть приводить более серьезные аргументы, чем смог изобрести Элиот.

¹⁴ Или пытается это сделать. Например, Вирджиния Вулф последовательно высеивала англо-католическую риторику Элиота. – *Примеч. английского издателя.*

*Саймон Блэкберн,
Кембриджский университет, 2003*

Предисловие редактора иностранного издания

Бертран Рассел был плодовитым автором, и часть его лучших сочинений составляют небольшие памфлеты и статьи в различных периодических изданиях. Это особенно верно в отношении его работ о религии, многие из которых мало известны за пределами определенных рационалистических кругов. В данной книге собраны сочинения Рассела о религии, а также некоторые другие работы, наподобие статей «Свобода и колледжи» и «Наша сексуальная этика», которые до сих пор являются весьма актуальными.

Хотя Рассела больше всего ценят как человека, внесшего немалый вклад в такие совершенно абстрактные области знания, как логика и теория познания, можно смело предположить, что в равной степени его будут помнить как одного из величайших еретиков в сфере морали и религии. Он никогда не был сугубо «техническим» мыслителем. Его всегда глубоко заботили те фундаментальные вопросы, на которые дают ответ религии, – вопросы о месте человека во вселенной и природе добропорядочной жизни. В своем рассмотрении этих вопросов он проявлял те же проницательность, остроумие и красноречие, которые характерны для блестящей прозы других его работ. Благодаря этим качествам эссе,

включенные в данную книгу, представляют собой, возможно, самое трогательное и самое изящное изложение позиции свободомыслящего человека со времен Юма и Вольтера.

Книга Бертрана Рассела о религии достойна публикации в любую эпоху. Сейчас, когда мы являемся свидетелями кампании за возрождение религии, которая ведется с активным использованием всех современных рекламных технологий, новое изложение аргументации неверующего представляется особенно желательным. Уже несколько лет из каждого угла и на всех уровнях – сверху донизу – нас бомбардируют теологической пропагандой. Журнал «Лайф» в редакционной статье уверяет, что «если не принимать во внимание догматически настроенных материалистов и фундаменталистов», война между теорией эволюции и христианской верой «окончилась много лет назад» и что «сама наука... разоблачает представление о том, что развитие вселенной, жизни или человека происходило по чистой случайности». Профессор Тойнби¹⁵, один из наиболее заслуженных апологетов религии, говорит, что «на секулярной основе невозможно противостоять коммунистическому вызову». Норман Винсент Пил, монсеньор Шин¹⁶ и другие светила ре-

¹⁵ Имеется в виду британский историк А. Тойнби, автор т. н. цивилизационной теории развития человеческих обществ. Он называл религию «источником жизненной силы» человечества и «неотторжимым спутником человеческого сознания». См., например, его статью «Христианство и цивилизация» (Christianity and Civilization // Civilization on Trial, Oxford University Press, 1948)

¹⁶ Н. В. Пил – американский священник, лидер Реформистской церкви Аме-

лигиозной психиатрии восхваляют достоинства веры в статьях, которые читают миллионы людей, в книгах-бестселлерах и еженедельных общенациональных радио- и телевизионных программах. Политики всех партий, многие из которых нисколько не отличались благочестием до того, как начали стремиться к занятию публичных должностей, прилагают немало усилий к тому, чтобы считаться усердными прихожанами, и всегда упоминают о Боге в своих высокоученых рассуждениях. Увы, за пределами аудиторий лучших колледжей негативная сторона этого вопроса практически никогда не обсуждается.

Такая книга, как эта, с ее бескомпромиссной приверженностью секуляристской точке зрения, сейчас еще более актуальна, поскольку наступление религии не ограничивается широкомасштабной пропагандой. В Соединенных Штатах Америки оно также принимает форму многочисленных попыток, зачастую успешных, подорвать закрепленный в конституции принцип отделения церкви от государства. Этих попыток слишком много, чтобы перечислять их здесь подробно, но, пожалуй, двух-трех примеров будет вполне достаточно, дабы проиллюстрировать эту тревожную тенденцию, которая, если ее не остановить, превратит тех, кто противостоит традиционной религиозности, в граждан второго

рики, популяризатор т. н. «позитивного мышления»; монсеньор Шин – Ф. Дж. Шин, американский епископ католической церкви, ведущий популярных радио- и телепрограмм, в 2012 г. был причислен к лику досточтимых за «заслуги перед церковью».

сорта. Скажем, несколько месяцев назад подкомитет палаты представителей США включил в резолюцию Конгресса удивительное предложение о том, что «лояльность к Богу» является необходимым условием для государственной службы. «Служба *любого* лица в *любом* качестве в правительстве или под руководством правительства, – официально постановили законодатели, – должна характеризоваться преданностью Богу». Эта резолюция еще не стала законом, но вскоре может в нем закрепиться, если она не встретит решительного отпора. Другая резолюция, согласно которой фраза «На Бога уповаем» становится национальным девизом США, принята обеими палатами Конгресса и уже приобрела силу закона. Профессор Нью-Йоркского университета Джордж Экстелл, один из немногих откровенных критиков этих и аналогичных действий, в своих показаниях перед сенатским комитетом с полным основанием отозвался о них как о «малых, но значительных отступлениях от принципа отделения церкви от государства».

Попытки внедрить религию там, где конституция прямо это запрещает, ни в коем случае не ограничиваются одним федеральным законодательством. Рассмотрим лишь один вопиющий пример: в Нью-Йорке совет управляющих Совета по образованию в 1955 году подготовил «Руководящий документ для директоров и учителей», где прямо указывалось, что «государственные школы поощряют веру в Бога, признавая тот простой факт, что наш народ религиозен»; соот-

ветственно, государственные школы «определяют Бога как основной источник законов природы и нравственных законов». Если бы этот документ был принят, едва ли хоть одна дисциплина школьного курса в Нью-Йорке осталась бы свободной от теологического влияния. Даже такие чисто светские предметы, как естественные науки и математика, надлежало бы преподавать с религиозной точки зрения. «Ученые и математики, – указывалось в документе, – считают вселенную рациональным, упорядоченным, предсказуемым местом. Их рассуждения о неоглядности и великолепии небес, чудесах человеческого тела и духа, красоте природы, загадке фотосинтеза, математической структуры вселенной или концепции бесконечности неизбежно вызывают благоговейное восхищение трудами Господа. Можно лишь повторить: “Когда взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов”¹⁷». Не оставили в покое и столь невинный предмет, как уроки труда. «На уроках труда, – отмечают философы из Совета управляющих, – наблюдения за такими чудесами, как строение металлов, свойства зерна и красота лесов, электропроводимость и характерные свойства используемых материалов, неизбежно приводят к размышлениям о царящих в мире природы упорядоченности и планировании и об изумительной работе Высшей Силы». Этот документ встретил такой взрыв негодования со стороны граждан и ряда более либеральных религиозных групп, что его принятие Советом

¹⁷ Пс. 8:4.

по образованию стало невозможным. Впоследствии приняли модифицированную версию, из которой вычеркнули большинство наиболее спорных положений. Тем не менее, даже пересмотренное издание содержит достаточно теологических высказываний, чтобы заставить антиклерикала поморщиться, и остается надеяться, что конституционность такой публикации будет оспорена в суде.

В большинстве случаев попытки утверждения церковных интересов встречают удивительно слабое сопротивление. Одна из причин этого заключается в широко распространенном убеждении, будто сегодня религия стала умеренной и терпимой, а преследования отошли в прошлое. Это – опасная иллюзия. Да, многие религиозные лидеры, несомненно, являются подлинными приверженцами свободы и терпимости и, соответственно, твердо верят в необходимость отделения церкви от государства, к несчастью, многие другие охотно стали бы прибегать к преследованиям, если бы могли, и прибегают к ним, если могут.

В Великобритании ситуация несколько отличается. Здесь есть устоявшиеся церкви, а религиозное образование официально проводится во всех государственных школах. Тем не менее, страна характеризуется гораздо большей терпимостью, а общественные деятели меньше опасаются открыто объявлять себя неверующими. Однако и в Великобритании свирепствует вульгарная прорелигиозная пропаганда, а наиболее агрессивные религиозные группы делают все возмож-

ное, чтобы не позволять свободомыслящим излагать свои взгляды. Например, в недавнем «Отчете Бевериджа»¹⁸ Би-би-си рекомендовалось дать слово представителям рационалистического мнения. Би-би-си официально приняла эту рекомендацию, но почти ничего не сделала для ее выполнения. Передача Маргарет Найт «Нравственность без религии» является одной из крайне редких попыток представить точку зрения неверующих по той или иной важной теме. Передача миссис Найт вызвала неистовое возмущение разнообразных лицемеров и фанатиков, которые, кажется, запугали Би-би-си и заставили компанию вернуться к прежнему раболепию в отношении религии.

Чтобы рассеять любые сомнения по этому вопросу, в качестве приложения к данной книге публикуется весьма полный отчет о том, как Бертрану Расселу не разрешили занять должность преподавателя философии в Городском колледже Нью-Йорка. Имеющиеся факты заслуживают самого широкого распространения, хотя бы ради того, чтобы показать, на какие невероятные фальсификации и на какое злоупотребление властью готовы пойти фанатики, чтобы одолеть своего врага. Люди, которым удалось аннулировать назначение Рассела, были теми же самыми людьми, которые сейчас готовы ликвидировать светский характер Соединенных Штатов

¹⁸ Имеются в виду социальные программы 1950-х гг., восходящие к так называемому «Отчету Бевериджа» (1942), где главными язвами общества назывались нищета, болезни, невежество, лень и моральное разложение.

Америки как государства. Они и их британские соратники ныне в целом более могущественны, чем в 1940-х годах.

Историю с Городским колледжем следует подробно изложить также из простой справедливости в отношении самого Бертрана Рассела, на которого злобно клеветали как судья, который рассматривал петицию, так и значительная часть прессы. Взгляды и действия Рассела стали предметом разнузданного искажения фактов, и люди, незнакомые с его книгами, должны были получить совершенно неправильное представление о том, за что он ратует. Надеюсь, что изложенная здесь история, а также воспроизведение некоторых рассуждений Рассела на «оскорбительные» темы помогут исправить это прискорбное положение.

Некоторые из включенных в данный том эссе перепечатываются с любезного разрешения издательств, опубликовавших их первые издания. В этой связи нужно поблагодарить издательство «Уоттс», опубликовавшее статьи «Почему я не христианин» и «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию?»; издательство «Ратлидж энд Киган Пол», опубликовавшее статью «Во что я верю»; издательство «Хатчинсон», опубликовавшее эссе «Есть ли жизнь после смерти?»; издательство «Николсон энд Уотсон», опубликовавшее статью «Судьба Томаса Пейна»; и журнал «Америкен меркьюри», на страницах которого впервые появились статьи «Наша сексуальная этика» и «Свобода и колледжи». Также хотелось бы поблагодарить моих друзей профессора Энтони Флю, Рут

Хоффман, Шейлу Мейер и моих студентов Мэрилин Чарни, Сару Килиан и Джона Виссайда за их большую и разностороннюю помощь в подготовке этой книги.

В завершение я хотел бы выразить свою признательность самому Бертрану Расселу, который с самого начала благословил этот проект; его искренний интерес постоянно служил мне источником вдохновения.

Пол Эдвардс,

Нью-Йорк, октябрь 1956 года

Предисловие автора

Новая публикация профессором Эдвардсом ряда моих статей, посвященных теологическим проблемам, вызывает у меня чувство признательности, в особенности с учетом его замечательных предварительных замечаний. Я особенно рад представившейся возможности подтвердить свои взгляды по тем вопросам, которым были посвящены эти статьи.

В последние годы появились слухи о том, что я смягчил свою прежнюю позицию относительно религиозной ортодоксии. Эти слухи совершенно безосновательны. Я по-прежнему считаю неверными и вредными все ведущие религии мира – буддизм, индуизм, христианство, ислам и коммунизм. С точки зрения логики очевидно, что поскольку они расходятся во мнениях, то верной может быть лишь одна из них. За очень немногими исключениями, та религия, которую признает человек, – это религия того общества, в котором он живет, из чего ясно, что именно влияние среды приводит его к признанию данной религии. Схоласты действительно изобрели то, что было провозглашено логическими доказательствами, подтверждающими существование Бога, и эти доказательства или им подобные действительно были признаны многими выдающимися философами. Однако устаревшая логика аристотелевского толка, на которую опираются эти традиционные доказательства, ныне отвергается практи-

чески всеми специалистами по логике, кроме тех, которые принадлежат к католической вере. Вот одно из таких доказательств, которое не является чисто логическим — я имею в виду разумный замысел. Это доказательство было сведено на нет еще Дарвином; в любом случае оно становится логически приемлемым лишь ценой отказа от Божьего всемогущества. Но если оставить в стороне логику, то мне кажутся немного странными этические оценки тех, кто думает, что всемогущий, всеведущий и великодушный Господь, миллионы лет готовивший почву для людей, пребывая где-то в безжизненной туманности, посчитал бы для Себя достаточной наградой появление Гитлера, Сталина и водородной бомбы.

Вопрос истинности религии принципиально отличается от вопроса о ее полезности. Я твердо убежден, что религии приносят вред, и твердо верю, что все они ложны.

Вред, который приносят религии, можно разделить на две категории. Первая из них зависит от того типа веры, который считается необходимым, вторая — от конкретных догматов, в которые верят. Что касается типа убеждений: считается добродетелью «иметь веру» — то есть иметь убеждения, которые невозможно поколебать противоположными свидетельствами. Либо, если противоположное свидетельство может внушить сомнения, его следует запретить. На этом основании в России молодежи не дозволяется слушать аргументы в пользу капитализма, а в Америке в пользу коммунизма. Это позволяет в обоих случаях сохранять веру невре-

димой и готовой к смертоносной войне. Убеждение в том, что важно верить в то или это, даже если независимое исследование не поддерживает такую веру, присуще почти всем религиям и вдохновляет все системы государственного образования. Вследствие этого молодые умы отстают в развитии и наполняются фанатической враждебностью как против других фанатиков, так и – с еще большей враждебностью – против тех, кто отвергает любой фанатизм. Привычка основывать убеждения на доказательствах и придавать им лишь ту степень достоверности, которую эти доказательства гарантируют, может, если станет всеобщей, разрешить большую часть проблем, от которых страдает человечество. Но сейчас в большинстве стран образование ставит своей целью предотвращение развития подобной привычки, а те, кто отказывается преподавать веру в некую систему необоснованных догм, считаются неподходящими учителями для молодежи.

Вышеуказанные беды не зависят от конкретного вероисповедания и характерны для всех догматических вероисповеданий. Но в большинстве религий имеются еще определенные этические нормы, которые приносят явный вред. Осуждение католиками контроля над рождаемостью, восторжествов оно, сделало бы невозможным преодоление бедности и искоренение войн. Почитание индуистами коровы как священного животного и осуждение повторного замужества вдов обрекают людей на ненужные мучения. Вера

коммунистов в диктатуру меньшинства Истинно Верующих принесла богатый урожай злоупотреблений и мерзостей.

Нам иногда говорят, что лишь фанатизм может обеспечить эффективность деятельности социальной группы. Думаю, история учит совсем другому. В любом случае лишь те, кто раболепно поклоняется успеху, могут считать, что эффективность достойна восхищения независимо от результатов. С моей точки зрения, лучше приносить малую пользу, чем причинять большой вред. Мир, который я хотел бы видеть, должен освободиться от вируса групповых антагонизмов и прийти к пониманию того, что всеобщее счастье должно возникнуть в результате сотрудничества, а не в ходе раздоров. Я бы хотел видеть мир, в котором образование ставит своей целью достижение интеллектуальной свободы, а не заключение умов молодежи в жесткую броню догм, призванных всю жизнь защищать их от уколов объективных доказательств. Мир нуждается в открытых сердцах и открытых умах, чего не обрести посредством жестких систем, старых или новых.

Бертран Рассел

1. Почему я не христианин

Эта лекция была прочитана 6 марта 1927 г. в здании муниципалитета Баттерси по инициативе Южно-Лондонского отделения Национального светского общества.

Как уже сообщил ваш председатель, тема моего сегодняшнего выступления – «Почему я не христианин». Пожалуй, прежде всего надо попробовать разобраться в значении слова «христианин». Ведь в наши дни великое множество людей пользуется этим словом в самом широком смысле. Некоторые имеют в виду под христианином всего лишь человека, старающегося вести добропорядочный образ жизни. Пожалуй, в такой трактовке христиане нашлись бы во всех сектах и религиях, но такой подход мне представляется неправильным хотя бы потому, что он подразумевает, будто люди, которые не являются христианами – все буддисты, конфуцианцы, магометане¹⁹ и так далее, – не пытаются вести добропорядочный образ жизни. Я не считаю христианином любого человека, старающегося в соответствии со своими убеждениями жить честно. Думаю, что, прежде чем получить право называть себя христианином, вы должны разделять некоторые конкретные верования. Правда, сейчас слово «христи-

¹⁹ Так у автора (Mohameddans).

анин» утратило то полнокровное значение, какое оно имело во времена святых Августина и Фомы Аквинского²⁰. В те дни, если человек говорил, что он христианин, всем было ясно, что именно он хочет этим сказать. Тогдашний христианин принимал единую совокупность догматов, сформулированных с большой точностью, и верил в каждую крупницу этих догматов со всей силой своих убеждений.

²⁰ То есть в период с утверждения христианства (Августин родился в 354 г.) до Высокого Средневековья (деятельность Фомы приходится на XIII столетие).

Что значит быть христианином?

Теперь это не совсем так. В своем понимании христианства нам приходится допускать чуть больше неопределенности. Но все же я полагаю, что можно выделить два важных признака, крайне значимых для всякого, кто называет себя христианином. Первый признак носит догматический характер – и заключается именно в том, что вы должны верить в Бога и в бессмертие души. Если вы не верите в перечисленное, то, думаю, вы не вправе называть себя истинным христианином. Во-вторых, как следует из самого слова «христианин», вы должны разделять определенное представление о Христе. Ведь, например, магометане тоже верят в Бога и бессмертие, но христианами называть себя не станут. На мой взгляд, вы, как минимум, должны разделять веру в то, что Христос был если не божеством, то, по крайней мере, лучшим и мудрейшим из людей. Если вы не склонны разделять подобную веру в Христа, то, как мне кажется, вы не имеете никакого права называться христианином. Существует, конечно, и иной смысл слова «христианин», который можно найти в «Альманахе» Уитакера²¹ и в книгах по географии, где говорится, что население земного шара делится на хри-

²¹ Ежегодный справочник, издается в Великобритании с 1868 г. Первым его издателем был Дж. Уитакер. В альманахе публикуются сведения по широкому кругу вопросов, но это все-таки не энциклопедия, а именно ежегодный справочник.

стиан, магометан, буддистов, идолопоклонников и так далее; в этом значении мы все являемся христианами. Книги по географии относят нас к христианам лишь в чисто географическом отношении, которое, как я полагаю, мы можем игнорировать. Поэтому, объясняя, почему я не христианин, я должен разъяснить сразу два отдельных положения: во-первых, почему я не верю в Бога и бессмертие души и, во-вторых, почему я не считаю Христа лучшим и мудрейшим из людей, хотя и признаю за ним весьма высокую степень нравственной добродетели.

Но в прошлые века неверующим для успеха было бы недостаточно столь эластичного определения христианства, которое я здесь привел. Как я уже говорил, в старину оно имело гораздо более полнокровное значение. Например, оно включало в себя веру в существование ада. Еще совсем недавно вера в вечный адский огонь была важнейшим элементом христианской веры. Как вы знаете, в нашей стране она перестала считаться важнейшим элементом христианской веры в соответствии с решением Тайного совета²², с которым не согласились архиепископ Кентерберийский и архиепископ Йоркский. Но так как в нашей стране вопросы, связанные с официальным вероисповеданием, решаются парламентскими актами, Тайному совету удалось взять верх над их прео-

²² Группа королевских советников, ныне выполняющих преимущественно церемониальные функции; впрочем, судебный комитет Тайного совета по сей день считается высшей апелляционной инстанцией по вопросам мирского и религиозного права.

священствами и вера в ад перестала считаться обязательной для христиан. Соответственно, я не буду настаивать на том, что истинный христианин должен верить в существование ада.

Существование Бога

Что касается существования Бога, это серьезный и важный вопрос; попытайся я разобраться его хоть сколько-нибудь подробно, мне пришлось бы продержатъ вас здѣсь до втораго пришествiя. Такъ что заранее прошу прощенья за то, что я останавлиюсь на этомъ вопросе очень кратко. Какъ вамъ, конечно, известно, католическая церковь установила въ качестве догмы, что существованiе Бога можетъ быть доказано при помощи разума, что оно умопостигаемо. Это несколько своеобразная догма, но, темъ не менее, она является именно догмой. Ввести ее пришлось потому, что одно время свободомыслящiе завели привычку утверждать, что существуютъ такiе-то и такiе-то доводы, посредствомъ которыхъ одинъ разумъ въ состоянii опровергнуть существованiе Бога, тогда какъ для католической церкви существованiе Бога было, разумеется, вопросомъ веры. Аргументы и доказательства излагались достаточно долго и подробно, но наконецъ католическая церковь ощутила необходимость все это прекратить. Поэтому она постановила, что существованiе Бога можетъ быть доказано исключительно умозрительно, и ей пришлось изложить доказательства, которые, какъ она полагала, подтверждаютъ существованiе Бога. Такихъ доказательствъ, конечно, немало, но я останавлиюсь лишь на несколькихъ.

Доказательство от первопричины

Пожалуй, проще и легче всего понять доказательство от первопричины. Утверждается, что все, наблюдаемое нами в этом мире, имеет некую причину; двигаясь по цепочке причин все дальше и дальше, вы обязательно приходите к первопричине – и присваиваете этой первопричине имя Бога. Думаю, в наши дни это доказательство уже не является достаточно весомым, прежде всего потому, что само понятие причины изменилось по сравнению с прошлым. Философы и ученые много занимались этим понятием, и ныне оно уже несколько не обладает той жизненностью, какой отличалось в прошлом. Кроме того, нетрудно убедиться, что доказательство, согласно которому должна существовать некая первопричина, является совершенно несостоятельным. Могу сказать, что в молодости, когда я весьма тщательно обдумывал эти вопросы, я долгое время принимал доказательство от первопричины, пока наконец в возрасте 18 лет не прочел «Автобиографию» Джона Стюарта Милля, где нашел следующее место: «Отец объяснил мне, что на вопрос «Кто меня сотворил?» нельзя дать ответ, ибо это немедленно повлекло бы за собой новый вопрос: «А кто сотворил Бога?». Эта необычайно простая сентенция показала мне (и я до сих пор так думаю) ошибочность доказательства от первопричины. Действительно, если все должно иметь причину, то и Бог

должен ее иметь. Если же может существовать нечто, не имеющее причины, то этим нечто вполне может оказаться мироздание (или сам Бог), поэтому доказательство от первопричины является совершенно необоснованным. Здесь сразу приходит на ум индуистское представление о том, будто мир покоится на слоне, а слон стоит на гигантской черепахе; когда же спрашивали, на чем покоится черепаха, индуист обыкновенно отвечает: «Давайте поговорим о чем-нибудь другом». Доказательство от первопричины ничуть не лучше этого утверждения. Нет никаких оснований считать, что мир не мог возникнуть без причины; с другой стороны, нет никаких оснований считать, что мир не мог существовать вечно. Нет никаких оснований полагать, что мир вообще имел какое-то начало. Мысль о том, что вещи должны иметь начало, в действительности связана с ограниченностью нашего воображения. Поэтому, пожалуй, не стоит тратить время на разбор аргумента о первопричине.

Доказательство от естественного закона

Далее идет весьма распространенное доказательство существования Бога от естественного закона. На протяжении всего XVIII столетия оно являлось излюбленным аргументом церковников, в особенности под влиянием сэра Исаака Ньютона и его космогонии. Заметив, что планеты вращаются вокруг Солнца в соответствии с законом всемирного тяготения, люди решили, что это Бог повелел планетам двигаться именно так, а не иначе. Это было, конечно, удобное и простое объяснение, которое избавляло людей от необходимости искать объяснения самого закона всемирного тяготения. Сейчас мы объясняем закон всемирного тяготения более сложным способом, который был предложен Эйнштейном. Я не собираюсь читать вам лекцию о законе всемирного тяготения в интерпретации Эйнштейна, поскольку это тоже отняло бы у нас некоторое время. Достаточно сказать, что теперь не существует понятия естественного закона в том виде, в каком оно существовало в ньютоновской системе, где по какой-то причине, которую никто не может понять, природа вела себя всегда одинаково. Теперь мы обнаруживаем, что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается лишь человеческими представлениями. Вы знаете, что даже в отдаленнейших

глубинах звездного пространства три фута всегда составляют ярд. Несомненно, это весьма примечательный факт, но вряд ли его можно назвать законом природы. А к этой категории относится очень многое из того, что рассматривалось прежде в качестве законов природы. С другой стороны, если вы хотите получить какие-либо знания относительно того, как в действительности ведут себя атомы, быстро обнаружится, что они подчиняются закону в гораздо меньшей степени, чем это представлялось людям ранее, и что законы, к которым вы приходите, являются статистическим средним, определяемым игрой случая. Как всем известно, существует закон, согласно которому при бросании костей две шестерки выпадают лишь примерно в одном случае из тридцати шести, и мы не усматриваем в этом доказательство того, что выпадение чисел регулируется чьей-то волей; напротив, если бы две шестерки выпадали каждый раз, мы посчитали бы, что это явный умысел. К тому же типу относятся и очень многие законы природы. Они являются статистическим средним того типа, которое порождается законами вероятности, и данное обстоятельство лишает естественные законы немалой толики их былой влиятельности. Совершенно независимо от данного факта, отражающего текущее состояние науки, которое может измениться уже завтра, сама мысль о том, что естественные законы предполагают наличие законодателя, обязана своим возникновением путанице между естественными и человеческими законами. Чело-

веческие законы предписывают нам вести себя определенным образом, вы можете им следовать, но можете и отвергнуть; естественные же законы, или законы природы, являются описанием того, как в действительности что-либо происходит. А так как они являются всего лишь описанием этого, вы не можете утверждать, что должен существовать некто, кто велит чему-либо происходить так, а не иначе, поскольку уже само предположение об этом выдвигает перед нами вопрос: «А почему Бог предписал именно эти естественные законы, а не другие?» Если вы скажете, что Он это сделал просто ради удовольствия и безо всякой причины, то обнаружите, что существует нечто, не подчиненное закону, и соответственно, ваша цепочка естественных законов окажется прерванной. Если же вы скажете, как это делают наиболее ортодоксальные теологи, что во всех законах, которые установлены Богом, Он имел основания ввести именно эти законы, а не другие (основания, естественно, заключаются в том, чтобы сотворить наилучшее мироздание, хотя вы никогда бы не смогли это проверить), получается, что при наличии оснований для тех законов, которые установлены Богом, и сам Бог должен подчиняться закону, а значит, вы ничего не выиграли от того, что ввели Бога в качестве посредника. В самом деле, получается, что некий закон существовал вне и ранее божественных установлений, так что существование Бога ничего не дает, поскольку Он не является исходным законодателем. Короче говоря, все это доказательство, касаю-

щееся естественного закона, больше не имеет той силы, какой оно обладало в прошлом. В своем обзоре доказательств я перемещаюсь во времени. С течением времени доказательства существования Бога меняют свой характер. На первых порах они были незыблемыми интеллектуальными аргументами, пускай и воплощали некоторые вполне определенные заблуждения. Когда же мы приближаемся к современности, они становятся менее весомыми в интеллектуальном отношении, и становится все более и более заметным влияние своего рода морализирующей неясности.

Доказательство от разумного замысла

Следующий шаг в данном процессе приводит нас к доказательству от разумного замысла. Всем известно, в чем заключается этот аргумент: все в мире устроено таким образом, чтобы мы могли в нем жить; а будь мир устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Именно в этом и состоит доказательство от разумного замысла. Иногда оно принимает довольно курьезные формы – например, можно услышать, что хвосты у кроликов белые потому, что так в них легче целиться; уж не знаю, как оценили бы это утверждение сами кролики. Доказательство от разумного замысла очень легко спародировать. Все наверняка помнят замечание Вольтера о том, что нос был явно предназначен для того, чтобы на нем могли держаться очки. Правда, в дальнейшем выяснилось, что подобное предположение отнюдь не так нелепо, как это могло показаться в XVIII столетии, ибо со времен Дарвина мы стали гораздо лучше понимать, почему живые существа приспособляются к окружающей их среде. Это не окружающая среда была сотворена таким образом, чтобы быть пригодной для живых существ, а сами живые существа изменились так, чтобы ей соответствовать, и именно здесь лежит основа приспособляемости. Ни о каком разумном замысле она не свидетельствует.

Когда начинаешь вдумываться в доказательство от разумного замысла, то просто поражаешься тому, как люди могут верить, будто наш мир со всем, что в нем находится, со всеми его изъянами, является наилучшим, что смогло за миллионы лет создать всезнание и всемогущество. Я действительно не могу в это поверить. Неужели вы думаете, что, обладая вы всезнанием и всемогуществом, да еще получи в дар миллионы лет, чтобы совершенствовать свой мир, вы не смогли бы создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан или фашисты? К тому же, принимая обычные законы науки, вы должны допускать, что с течением времени человеческая жизнь и вообще жизнь на нашей планете прекратится: это определенный этап в процессе увядания Солнечной системы. На определенной стадии этого увядания формируются такие температурные и прочие условия, которые пригодны для бытия протоплазмы, и на короткое время в системе возникает жизнь. Луна демонстрирует нам, куда движется Земля – к превращению в нечто холодное, мертвое и безжизненное.

Мне говорят, что подобная точка зрения пессимистична, а некоторые добавляют, что, согласись они с этим, жизнь стала бы для них невыносимой. Не верьте, это все полная ерунда. На самом деле никого особенно не волнует то, что произойдет миллионы лет спустя. Даже если некоторым людям и кажется, что это их сильно беспокоит, в действительности они себя обманывают. Людей гораздо более волнует мирское и земное, например, плохое пищеварение, и никто не ста-

нет всерьез расстраиваться при мысли о том, что случится с нашим миром через миллионы лет. Конечно, неприятно сознавать, что жизнь в конце концов исчезнет (по крайней мере, мне кажется, что мы вправе так утверждать, хотя порой, когда я принимаюсь размышлять над тем, что люди делают со своей жизнью, этот взгляд представляется мне чуть ли не утешением), но я не могу принять утверждение, будто это делает жизнь невыносимой. Такое отношение лишь побуждает нас обращать внимание на простые радости жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.